

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Женщина в деле ослабления
старообрядческого раскола:
несколько исторических данных к этому вопросу**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 1. С. 50-66.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Женщина въ дѣлѣ ослабленія старообрядческаго раскола.

Нѣсколько историческихъ данныхъ къ этому вопросу.

ПРАВОСЛАВНОЙ противораскольнической миссии уже около двухъ сотъ лѣтъ не чуждо сознаніе, что успѣхъ борьбы съ старообрядческимъ расколомъ можетъ быть достигнутъ не безъ содѣйствія женщины. Въ частности и въ настоящее время слышатся голоса—какъ въ пользу того, что въ расколѣ прежде всего нужно обратить вниманіе на просвѣщеніе и миссію среди женщинъ, такъ одинаково и въ пользу того, что это должно быть сдѣлано при участіи самой же православной женщины. Основательность такихъ взглядовъ сама собою открывается изъ того значенія, какое всегда имѣла и нынѣ имѣетъ женщина въ жизни самого старообрядческаго раскола. Тамъ поле ея дѣятельности всегда было сколько обширное, столько же для раскола и плодотворное. Женщина служила расколу въ семьѣ и монастырѣ, въ школѣ и въ молельной, участіемъ въ рѣшеніи внутреннихъ вопросовъ и пропагандою въ средѣ православія. Она одинаково являлась и носительницею коренныхъ идеаловъ раскола, и охранительницею его обособленнаго быта. Элементъ наиболѣе грамотный, это былъ элементъ и самый устойчивый, какъ въ смыслѣ охранительномъ, такъ и прозелитическомъ ¹⁾. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи вещей борьба съ расколомъ всегда и непременно должна была и те-

¹⁾ „Значеніе женщины въ исторіи русскаго старообрядческаго раскола“ очерчено въ нашей актовъ рѣчи, напечатанной въ мартовской книгѣ „Христіанскаго чтенія“ за 1902 годъ.

перь должна имѣть въ виду, что помимо всего прочаго здѣсь необходимо еще непосредственное воздѣйствіе на женскую половину раскола. Къ сожалѣнію, попытки примѣненія этого способа къ жизни даже и въ настоящее время еще слишкомъ единичны и робки. Относительно прошлаго нечего и говорить: что касается прошлаго до конца XVIII столѣтія и даже нѣсколько далѣе, то мысли, свидѣтельствующія о ясномъ пониманіи дѣла, встрѣчаются рѣдко, еще рѣже—осуществленіе такого пониманія. Настоящій очеркъ имѣетъ въ виду съ одной стороны тѣ факты и явленія, по которымъ власть и вообще причастныя дѣлу ослабленія раскола лица въ свое время могли знакомиться съ женщиной, какъ силой раскола, а съ другой и тѣ, которыя показываютъ, что вопросъ былъ усвоенъ, поставленъ на очередь и отчасти разрѣшенъ. Весь этотъ матеріалъ располагается здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

Первые случаи ознакомленія власти съ представительницами раскола.— Выдающійся процессъ боярыни Морозовой, княгини Урусовой и полковницы Даниловой.—Другія этого рода данныя изъ исторіи раскола XVII вѣка.—Оцѣнка мѣропріятій того времени: „градская“ кара и игнорированіе вопроса

Первый фактъ, ознакомившій высшую церковную и гражданскую власть съ женщиною, какъ дѣятельнымъ противникомъ церковныхъ исправленій, и показавшій, гдѣ и какъ можетъ проявлять себя эта, хотя и не сразу замѣтная, сила, фактъ наиболѣе крупный и характерный, обнаружился въ тотъ самый 1666 годъ, когда происходилъ извѣстный московскій соборъ русскихъ іерарховъ, созванный именно для сужденія о противникахъ церковныхъ исправленій. Изъ московскаго Вознесенскаго, что въ Кремлѣ, женскаго монастыря на имя царя Алексѣя Михайловича тогда поступили двѣ челобитныя, одна отъ Елены Хрущевой, бывшей уставщицы монастырской, другая отъ игуменіи Маремьяны Пальчиковой. Обѣ челобитныя были вызваны присылкою въ Вознесенскій монастырь новонаправленныхъ богослужебныхъ книгъ и относились, по всѣмъ признакамъ, къ ближайшему послѣ 2 іюля времени, когда отъ лица названнаго собора русскихъ іерарховъ было издано «Наставленіе благочинія церковнаго», имѣвшее цѣлью путемъ повсемѣстнаго введенія новонаправленныхъ книгъ способствовать прекращенію возникшихъ тогда церковно-богослу-

жебныхъ безпорядковъ. Елена, съ жалобой выступившая первою, присоединила извѣтъ еще на имя крутицкаго митрополита Павла, и объясняла, что Маремьяна, игуменія вознесенская, будто бы, вопреки царскому повелѣнію и распоряженіямъ высшей духовной власти, не допускала и не допускаетъ ввести въ монастырь въ употребленіе богослужебныя книги нововзданныя и требуетъ, чтобы служба совершалась по книгамъ до-никоповскаго изданія. Говоримъ: «будто бы»,—потому что Елена представила положеніе вещей въ превратномъ видѣ. Присылка въ Вознесенскій монастырь правительствомъ богослужебныхъ книгъ, дѣйствительно, не прошла безъ протеста со стороны монастыря; но смуту учинила не Маремьяна, какъ доносила Елена, а сама она, эта бывшая уставщица монастыря. Объясняя дѣло не такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Елена путемъ ложнаго извѣта рассчитывала, вѣроятно, не только предупредить со стороны игуменіи доносъ на нее, Елену, но, если удастся, даже совсѣмъ удалить игуменію изъ монастыря, чтобы не имѣть себѣ въ ней лишней помѣхи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ челобитной самой Маремьяны, отъ которой власть, надо думать, и сама уже потребовала объясненія по содержанію челобитныхъ Елены. Принявши въ свое управленіе Вознесенскій монастырь въ 1660 году, Маремьяна въ теченіи почти шести лѣтъ не предпринимала мѣръ къ введенію въ монастырь нововосправленныхъ книгъ. Примѣчательный случай, особенно если вспомнить, что послѣднія имѣлись тогда даже въ церквахъ Сибири. Но таково было то смутное время, такова неопредѣленность отношенія власти къ обострившемуся вопросу. Дѣло дошло до того, что сталъ править службу «всякъ по своему», кто по книгамъ «новымъ», кто по «старымъ», и не только въ различныхъ церквахъ, но нерѣдко и въ одной и той же. Въ Вознесенскій монастырь, не смотря на то, что онъ находился по сосѣдству съ патриаршими келліями и царскимъ дворцомъ, «царскаго жалованія» въ видѣ нововосправленныхъ книгъ «въ прежніе годы», до іюля 1666 года, «не было»; вмѣстѣ съ тѣмъ не было отъ государя «заповѣди и закону» и о томъ, чтобы «по старымъ книгамъ не говорить». Поэтому въ монастырь все было по старому, держали только «старыя» книги: игуменія, какъ главная отвѣтчица предъ властями, очевидно, утѣшала себя тѣмъ, что имѣеть на всякій случай, оправданіе. По крайней мѣрѣ теперь, когда власть потребовала у нея объясненія, она прямо и единственно

указала на то, что новыхъ книгъ монастырь не получалъ, а употреблять старыя власть не запрещала. Но если игуменья Маремьяна была способна, при измѣнившихся обстоятельствахъ, подчиниться рѣшенію власти, то совсѣмъ не таково было настроеніе уставщицы Елены. Она уже и ранѣе вела пропаганду противъ новопечатныхъ книгъ и успѣла окружить себя цѣлымъ, по выраженію игуменьи, «стадомъ» единомысленныхъ себѣ монахинь и особенно клярошанокъ. Поэтому когда—въ 1666 году—въ монастырь были присланы новопечатныя книги, съ строгимъ наказомъ служить по нимъ, а старыя книги оставить, партія Елены этому воспротивилась и заявила, что «хочеть пѣть и читать» такъ, какъ «приказала» Елена, по ея «уставу», т. е. только по «старымъ» книгамъ. Въ монастырѣ, естественно, началась смута, которая раздѣлила на двѣ стороны даже и самихъ монастырскихъ священниковъ. Одни готовы были служить и дѣйствительно служили по книгамъ новойсправленнымъ, другіе стояли за книги только стараго исправленія. Приверженность этихъ послѣднихъ, т. е. Елены и ея партіи къ старопечатнымъ книгамъ имѣла именно чисто раскольнической характеръ. «А та, государь, уставщица,—писала въ челобитной Маремьяна,—и по днесъ въ церковь на соборъ не ходитъ для-ради поваго пѣнія, а въ кельѣ говоритъ по старымъ книгамъ, а меня, нищюю твою, царскую богомолицу, тѣмъ пѣніемъ доводитъ. Какъ тѣ книги новыя, по твоему, великаго государя, указу, къ намъ въ монастырь присланы, и она, Елена, съ тоя поры и въ церковь не стала ходить, потому что у нихъ дума за одно съ крылошанами». По примѣру Елены «сошла съ крылоса» пѣвчая Евоимія, «не хотя по новымъ книгамъ говорить», и успѣшила внушить тѣ же понятія даже келейной послушницѣ самой Маремьяны, еще только совершенно подростку. «Да изъ моей кельи крылошанку въ младыхъ лѣтахъ запретила,—добавляла игуменья о вышеупомянутой Евоиміи,—чтобы по новымъ книгамъ не говорить же, а та, государь, крылошанка еще книгамъ не довольно изучилась». Игуменья даже эту свою келейницу не удалось «поучить» какъ намѣревалась, не говоря уже о томъ, что бѣроться противъ всего «стада» Елены она совсѣмъ была безсильна.

Таковъ первый случай, сразу, кому надлежитъ, показавшій, что пропагандистовъ раскола нужно искать не среди только иноговъ и не въ однихъ мужскихъ монастыряхъ, но не менѣе и среди инокинь. Въ лицѣ Елены монастырь даль, дѣйстви-

тельно, примѣчательный примѣръ. Уже въ самомъ ближайшемъ будущемъ, повидимому мало поплатившаяся за свою интригу бывшая вознесенская уставщица, оставивъ монастырь и пользуясь полной свободой, ревнуетъ о расколѣ съ отвагой и горячей преданностью, вмѣшиваясь въ рѣшеніе даже наиболѣе трудныхъ жизненныхъ его вопросовъ ¹⁾.

Вскорѣ власть встрѣтилась съ другою женщиною и уже примѣшила къ ней строгія карательныя мѣры. Это было приблизительно въ послѣднюю треть 1669 года. На Мезени была заключена въ земляную тюрьму вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями извѣстная Настасья Марковна, жена извѣстнаго расколучителя протопопа Аввакума. При какихъ обстоятельствахъ это случилось, съ подробностію не извѣстно, но, кажется, достаточно привести на память лишь нѣкоторые факты, чтобы допустить извѣстную причину или вину постигшаго протопопицу наказанія. Это былъ примѣчательный характеръ, не менѣе типичный, чѣмъ какой представлялъ самъ Аввакумъ. Послѣдній нашелъ въ своей женѣ преданнаго друга, всегда шедшаго съ нимъ рука объ руку, а въ дѣлахъ вѣры способнаго на неограниченныя самопожертвованія. Внѣшнія обстоятельства внесли въ жизнь этой супружеской четы, внутренно довольной и счастливой, непрерывный рядъ невзгодъ. Еще до столкновенія Аввакума съ Никономъ, по причинѣ неуживчиваго характера протопопа и его распрей съ своими пасомыми, протопопицѣ пришлось перенести много непріятностей и лишеній при переходахъ мужа изъ одного мѣста жительства въ другое. А когда Аввакумъ былъ сосланъ въ Сибирь, ей пришлось нести всѣ горечи ссыльной жизни, и она несла ихъ терпѣливо и безропотно. Только однажды, на невозможномъ пути по льду, Марковна не выдержала, попеняла мужу: «долго ли, протопопъ, муки эти будутъ». Но и здѣсь, едва Аввакумъ отвѣтилъ, что «муки» ихъ будутъ «до самой смерти»,—жена быстро воспрянула духомъ и, вздохнувъ, промолвила только: «добро, Петровичъ». Петровичу это было великой поддержкой, слово тутъ означало дѣло. Въ другой разъ, на обратномъ пути изъ Сибири, Аввакумъ смутился тѣмъ, что вездѣ служили по повымъ книгамъ; онъ не

¹⁾ Челобитная игуменьи Маремьяны, служащая источникомъ для изложеннаго факта, напечатана въ „Православномъ Обзорѣнн“ 1885, т. 2, стр. 66—67.—О вліяніи Елены на внутренній строй первоначальной раскольнической жизни можно судить по случаю, описанному въ нашемъ сочиненіи—„Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“, стр. 170—172.

знать, что дѣлать, какъ быть: переходить ли къ новому церковному порядку, или по прежнему проповѣдывать о «старинѣ»? продолжать ли свою борьбу, или, какъ челоуѣку обремененному семьей, сойти съ поля битвы, скрыться? Тутъ-то и явилась къ Аввакуму на помощь жена. Видя грусть мужа, Марковна подошла къ нему «со опрятствомъ» и спросила: «что печалить тебя?» Протопопъ отвѣчалъ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ. «Жена, сказалъ онъ, что мнѣ дѣлать? Зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ, или молчать? Связали вы меня». Тогда Марковна на это скоро и рѣшительно отвѣчала: «что ты, Петровичъ, говоришь! Я съ дѣтми благословляю тебя. О насъ не тужи! Силень Христось и насъ не погнутъ. Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай ересь».— Аввакумъ за это женѣ билъ челомъ, да и пошелъ, какъ и прежде, «учить» вездѣ и всюду. Но не въ эту только критическую минуту Марковна оказала нравственную поддержку своему мужу; она не измѣнила его убѣжденіямъ и послѣ, когда ссылка окончательно разлучила супруговъ, да и дѣтей воспитала такъ, какъ хотѣлось отцу. Именно какъ жена и мать, протопопица Настасья представляетъ собою весьма характерный и выдающійся примѣръ, на которомъ, по причинѣ обнаруженія его судебнымъ слѣдствіемъ, еще на самыхъ первыхъ порахъ существованія раскола можно было убѣдиться, какую крѣпкую опору имѣеть послѣдній въ семьѣ, благодаря вліянію здѣсь женщины. По обстоятельствамъ жизни въ ссылкахъ, даже не считая послѣдней пустозерской ссылки Аввакума, дѣти его болѣе находились подъ воспитывающимъ воздѣйствіемъ, конечно, своей матери, и тѣмъ не менѣе это вышли такіе Аввакумовичи и Аввакумовны, раскольническая стойкость которыхъ и тюрьму выносила, и похвалы Аввакума заслуживала. По всѣмъ признакамъ мезенскій домъ Марковны въ разсматриваемомъ случаѣ потому обратилъ на себя вниманіе со стороны подлежащихъ властей, что имѣлъ дѣятельныя сношенія съ московскою раскольническою средою и сразу сдѣлался пристанищемъ для тогдашнихъ пропагандистовъ раскола ²⁾).

²⁾ Семейство Аввакума проживало на Мезени съ 1664 года, когда Аввакумъ, по возвращеніи изъ Сибири пробывъ не долго въ Москвѣ, временно былъ отправленъ туда въ ссылку. О хронологіи мезенскихъ событий—„Внутренніе вопросы въ расколъ въ XVII вѣкѣ“, стр. XLVI—XLVII. Данные для характеристики Марковны и ея дѣтей—въ автобіографіи Аввакума и въ его посланіи къ женѣ на Мезень: Мат. для ист. раск. V, стр.

Въ концѣ 1671 года началось новое громкое дѣло, взволновавшее всю Москву, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явилась опять женщина, даже не одна, и съ извѣстнымъ въ столицѣ именемъ. Въ ночь на 16 ноября этого года была взята подѣ стражу по дѣлу о содержаніи и пропагандѣ раскола московская боярыня Ѳедосья Морозова, а вмѣстѣ съ нею—и сестра ея княгиня Евдокія Урусова³⁾. Къ нимъ вскорѣ была присоединена еще пѣкая Марья Данилова, жена стрѣлецкаго полковника. Этихъ трехъ родовитыхъ москвичекъ Аввакумъ не даромъ называлъ не только «троицею», но и «тричисленною единицею». Въ отстаиваніи дѣла Аввакума, поскольку это проявилось особенно въ ихъ судебномъ процессѣ, онѣ составляли какъ бы одну душу. Въ свою очередь первая изъ нихъ, т. е. боярыня Морозова, и ранѣе того была душою всего московскаго аввакумовскаго общества и далеко не въ одной женской его половинѣ.

Въ роли ярой защитницы церковной «старшины» Морозова объявилась вполне естественно, т. е. не только какъ женщина своего времени, вѣками къ тому подготовленная, но и въ силу своего личнаго положенія. Съ другой стороны вполне понятно и то, что она сразу стала защитницей *сильной*, такъ какъ имѣла большія связи и была богачка. Постепенно сроднившаяся съ идеаломъ постнической жизни, какою тогда господствовалъ въ умахъ, искавшихъ спасенія души, а какъ вдова и въ своемъ положеніи, по понятіямъ того вѣка, носившая смыслъ монахини, эта, въ извѣстномъ родѣ цѣлостная, натура, какъ скоро узнала о мнимомъ «развращеніи чина богослужбнаго», безраздѣльно посвятила себя на служеніе расколу, видя въ этомъ долгъ вѣры и подвигъ добродѣтели, и повела защиту его до конца, безъ колебаній. Знатная по отцу и мужу, имѣвшая много родныхъ и знакомыхъ въ московскомъ боярствѣ, весьма близкая даже къ царскому двору, Морозова, съ другой стороны, какъ владѣвшая громадными матеріальными средства-

1—113. 161—5. О позднѣйшей судьбѣ семейства Аввакума заслуживаютъ вѣроятія нѣкоторыя показанія его сына Пвана, данныя въ 1717—1720 годахъ: *Г. Есиповъ*—Раск. дѣла XVIII вѣка, т. I, стр. 119—124.

³⁾ Первая угроза Морозовой отъ царя послѣдовала „близь осени“ того года, когда Алексѣй Михайловичъ вступилъ во второй бракъ (Мат. для ист. раск. VIII, 156); а этотъ бракъ состоялся 22 января 1671 года; потомъ, день спустя послѣ 14 ноября, въ ночь, былъ допросъ Морозовой и Урусовой и взятіе ихъ подѣ стражу (—VIII, 159—160).

ми, привлекала къ себѣ нуждавшихся въ ея помощи всѣхъ бѣдныхъ, сирыхъ и обездоленныхъ, и такимъ образомъ имѣла возможность не только поддерживать расколъ въ высшемъ обществѣ, но и царить своимъ взглядомъ и словомъ и въ этихъ низшихъ слояхъ. Въ ея хоромахъ находили пріютъ и юродивые Осодоры и Кипріаны, и гнойные Ѳедоты Степанычи, и изгнанные изъ монастырей инокини Елены и Меланьи, все знаменитыя ученицы Аввакума—своего рода Аввакумы въ сарафанѣ, а самъ этотъ протопопъ, богатырь на поприщѣ раскола, издавна состоялъ духовнымъ отцомъ Ѳедосіи Прокосьевны и даже уже по возвращеніи изъ Сибири «невыходя» жилъ въ ея домѣ. Окруженная такой средой, Морозова находила въ ней себѣ поддержку, въ то же время и сама ее поддерживая, и многочисленныя уста быстро и охотно разносили по Москвѣ мысли сановитой благотворительницы. И сама Морозова ходила по улицамъ и стогнамъ града, по богадѣльнямъ и темницамъ, одѣлая всѣхъ, кому что нужно. Съ другой стороны она вступала въ словопренія съ «никоніанами мужескаго пола и женами» и пріобрѣла извѣстность «безпрестанной отличительницы» ихъ. Наконецъ, когда за всѣ эти подвиги пропаганды Морозова подпала подъ удары суда и наказанія,—она выиграла и еще больше, достигнувъ въ своемъ лицѣ самой вершины прославленія раскола. Вотъ нѣкоторые подробности этого дѣла, которому не могли надивиться сами представители церковной и гражданской власти, не исключая царя и патріарха.

Еще въ самомъ началѣ процесса, когда обѣихъ сестеръ допрашивали вмѣстѣ, та и другая съумѣли показать себя въ истинномъ своемъ свѣтѣ. И похуленіе церкви, и презрѣніе къ властямъ, какъ къ сынамъ ея, и безбоязненность при «обложеніи узами»—все было показано во имя безусловной преданности расколу. При допросѣ думнымъ дякомъ и архимандритомъ въ домѣ Морозовой, обѣ сестры давали показанія въ постели и не хотѣли встать; Морозова сидя отвѣчала и коммисіи въ Чудовомъ монастырѣ. Предсѣдательствовавшій митрополитъ на вопросъ: «причастится ли она, боярыня, по тѣмъ служебникамъ, по которымъ причащаются царь, царица, царевичи и царевны»,—получилъ отвѣтъ: «гѣтъ, не причащусь, потому что тѣ служебники развращенные; всѣ вы подобны Никону, врагу Божію, который своими ересями, какъ блевотиною палевалъ, а вы теперь то скверненіе его подлизываете».

Когда, на другой послѣ того день, упорнымъ сестрамъ стали возлагать на шею цѣпи со стулами, Морозова, перекрестившись и поцѣловавъ огорліе, выразила радость, что «сподобляется возложить на себя Павловы узы»; а когда затѣмъ ее повезли на дровняхъ чрезъ Кремль на Печерское подворье, то у царскихъ переходовъ, полагая, что царь смотритъ на ея поѣздъ, Морозова часто крестилась, высоко поднимая руку съ двуперстіемъ и звенѣла цѣпью, показывая царю, что не только не стыдится своего поруганія, но и услаждается своими узамъ. Часто ѣздилъ къ заключенной для увѣщаній рязанскій митрополитъ Иларіонъ, но безъ всякаго успѣха; напротивъ, имѣли полный успѣхъ письменныя и личныя сношенія обѣихъ заключенныхъ съ главнѣйшими представителями раскольническаго міра, въ родѣ Іова льговскаго или протопопа Аввакума. Для послѣдователей раскола дѣло Морозовой и Урусовой имѣло громадное значеніе; въ «подвигѣ» послѣднихъ открывался сильный и яркій примѣръ для распространенія раскола въ народѣ; поэтому всѣ, кто могъ, и всѣми средствами естественно должны были помогать довести этотъ «подвигъ» до конца, что и достигалось упомянутыми сношеніями. Здѣсь, какъ въ подобныхъ же сношеніяхъ дальнѣйшаго времени, требовавшихъ не мало предпримчивости, смѣлости и отваги, много приложили старанія опять же женщины, изъ которыхъ однѣ являлись для заключенныхъ въ родѣ духовныхъ руководительницъ и наставницъ, другія считали богоугоднымъ дѣломъ послужить имъ въ качествѣ «рабынь», не смотря на свое боярское происхожденіе. Но дѣломъ Морозовой и Урусовой интересовалась и вообще вся Москва, волненіе и соблазнъ охватили все столичное населеніе. Разлученная съ сестрой, послѣ перваго допроса, Урусова была послана подъ крѣпкое начало въ Алексѣевскій монастырь, съ приказаніемъ водить ее тамъ въ церковь. И вотъ монастырь ежедневно былъ заставленъ рыдванами и каретами пріѣзжавшихъ посмотреть подвигъ «воспріявшей мужескую мудрость и отложившей женскую помощь» княгини. Подвигъ ея заключался просто въ томъ, что она всѣми силами сопротивлялась, когда нужно было идти въ церковь. «Какъ я пойду въ вашъ соборъ, когда тамъ у васъ поютъ не хваля Бога, но хуля, и законы его попирая». Нужно помнить, что сѣзды кареть были далеко не результатомъ простаго любопытства: чаще это были взгляды состраданія и сочувствія, когда пріѣзжавшіе видѣли княгиню въ состояніи релігіознаго возбужденія

и несомую на рогожныхъ носилкахъ въ церковь. Таковъ уже былъ идеаль тогдашняго русскаго человѣка, воспитаннаго въ духовной своей сферѣ понятіями аскетическими, примѣрами мученическими,—чтобы всегда и неизмѣнно являлось общее сочувствіе всякому страждущему и особенно страждущему подъ знаменіемъ — «ради вѣры, ради Христа». Сама власть скоро поняла, что дѣло приняло оборотъ крайне неблагопріятный. что это публичное «влаченіе» въ церковь служить только къ прославленію раскола, возвышая въ глазахъ народа мужество и терпѣніе его знатныхъ послѣдователей, а потому рѣшила скорѣе положить конецъ соблазну. Но и дальнѣйшія мѣры: увѣщанія, пытка и земляная тюрьма не сломили упорства «тричисленной единицы». Вотъ въ Чудовомъ монастырѣ въ соборной палатѣ патріархъ Пилтиримъ въ присутствіи духовныхъ и гражданскихъ властей, послѣ безуспѣшнаго увѣщанія Морозовой, говоритъ ей: «я самъ потружусь, исповѣдаю тебя и причащу». Морозова отвѣчаетъ: «что ты говоришь: самъ; чѣмъ ты отличишь отъ прочихъ, если творишь то же, что и они; не требую твоей службы». Во все время увѣщанія Морозова не хотѣла стоять предъ властями; ее поддерживали стрѣльцы, какъ что она висѣла у нихъ на рукахъ. Но вотъ патріархъ облачился, чтобы совершить помазаніе священнымъ масломъ, предполагая, въ надеждѣ на исцѣленіе, что боярыня страдаетъ болѣзненнымъ разстройствомъ ума; увидавши это намѣреніе, Морозова не только встала на ноги, но и приготовилась «яко борець» и, отстранивъ рукою хотѣвшаго помочь патріарху митрополита, завопила къ первому изъ нихъ: «не губи меня, грѣшницу, отступнымъ своимъ масломъ!» и позвяцавъ цѣпами, продолжала: «для чего эти оковы? я, грѣшница, уже цѣлый годъ ихъ ношу, а ты весь мой недостойный трудъ однимъ часомъ хочешь погубить. Отступи, удались; не требую вашей святости никогда». Еще безцеремоннѣе поступила княгиня Урусова, когда и къ ней явились въ ту же ночь тѣ же увѣщатели. Увидя идущаго къ ней съ масляною спицею патріарха, она мгновенно сняла съ своей головы покрывало, опростоволосилась и воскликнула: «о, безстыдные и безумные, что вы дѣлаете? развѣ не видите, какова я есть?» т. е. въ какомъ срамномъ видѣ; и тѣмъ устыдила властей и миновала помазанія. Морозова не переставала укорять и обличать «лукавое отступленіе» властей даже во время пытки, когда висѣла на стряскѣ. Какъ безнадежно упорныхъ, Морозову, Урусову и

Данилову сослали въ Боровскъ, гдѣ онѣ, нравственно поддерживаемыя посѣщающими ихъ извѣстною Еленою и еще болѣе извѣстною тогда, знаменитою инокинею Меланіею, которую самъ Аввакумъ называлъ «матерію», «великою», «начальницею».—оставались уже до самой смерти⁴⁾, ни разу не ослабѣвъ въ своемъ «подвигѣ», не смотря на всѣ физическія тѣсноты, какими подъ конецъ были обложены въ своей земляной тюрьмѣ⁵⁾.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Морозовой, Урусовой и Даниловой, именно около 1 іюля 1675 года, по распоряженію присланнаго изъ Москвы въ Боровскъ для розысковъ по дѣлу о сношеніяхъ раскольниковъ съ этими заточниками дьяка Кузмищева, была сожжена въ срубѣ нѣкая инокиня Іустина, которая, попавъ въ боровскую тюрьму,—очевидно за содержаніе и пропаганду раскола,—ранѣе «тричисленной единицы», такъ сказать встрѣтила здѣсь послѣднюю и прожила съ нею до самой своей казни⁶⁾.

4) Какъ видно изъ „Житія“ Морозовой, ссылка въ Боровскъ послѣдовала по смерти патриарха Питирима (Мат. для ист. раск. VIII, стр. 189—190), значить послѣ 19 апрѣля 1673 года. Всѣ три соузницы скончались въ 1675 году: 11 сентября Урусова, 2 ноября Морозова, 1 декабря Данилова (—VIII, 196, 202; ср. VI, 92).

5) Личность боярыни Морозовой, какъ типъ русской женщины XVII вѣка, на основаніи „Житія“ Морозовой прекрасно очерчена въ извѣстномъ сочиненіи *И. Е. Забѣлина* „Домашній бытъ русскихъ царицъ“, стр. 105—148. Самое „Житіе“ издано, по двумъ спискамъ, проф. Н. И. *Субботинскимъ* въ „Мат. для ист. раск.“ т. VIII, стр. 137—203. Давныя объ Урусовой и Даниловой, а также о походахъ инокини Меланіи и Елены Хрущевой имѣются въ этомъ же памятникѣ.

6) Такъ разсказывается въ „Житіи“ Морозовой: Мат. для ист. раск. VIII, стр. 190, 194. Въ нѣкоторыхъ спискахъ „Житія“ добавляется, что въ томъ же боровскомъ острогѣ „въ другой темницѣ“ содержался и „старецъ“ ея, т. е. Іустины, «иже бяше ей, егда живяху въ мірѣ, по закону супружикъ» (Рки. Публ. Библиот. О. I. № 341, л. 157). Кто же эта Іустина и когда посажена въ тюрьму? Съ точностью отвѣтить на это трудно. Памятники сохранили имя *Іустины* — крестьянки деревни Василева, Ягосарской волости, Вологодскаго уѣзда, которая около 1666 года предлагала испытать правоту старопечатныхъ книгъ при ракъ святителя Алексія—чудеснымъ способомъ. Іустина разсказывала, что когда въ 1673 году она „прибрела помолитъся московскимъ чудотворцамъ“, то, спустя нѣкоторое время, ей явился во снѣ преподобный Игнатій, игуменъ вологодскій, что на рѣкъ Сарѣ, по молитвамъ которому Іустина ранѣе, по ея словамъ, получила исцѣленіе отъ болѣзни, и повелѣлъ идти къ царю. „Пойди ты къ государю царю, написавъ моя къ тебѣ явленія, знаменія и чудеса,

Не перечисляя всѣхъ случаевъ, гдѣ женщина запечатлѣла свою преданность расколу смертью въ срубѣ, случаевъ, которыхъ въ начальный періодъ исторіи раскола было не мало, но которые говорятъ всѣ объ одномъ и томъ же ⁷⁾,—остановимся нѣсколько на другихъ примѣрахъ, въ свое время засвидѣтельствованныхъ въ официальныхъ донесеніяхъ и представляющихъ также нѣкоторый интересъ и свою характерность.

Прежде всего нужно назвать княгиню Лину Хилкову. Хотя похождения этой сіятельной раскольницы не достаточно извѣстны, однако видно, что и она съ своей стороны принесла

чтобы она, царь, пѣніе и службу церковную немятежну учивилъ Алексіемъ митрополитомъ, московскимъ чудотворцемъ, и книги двѣ—старый Служебникъ, да новый—положилъ къ нему чудотворцу въ раку; а уже бо людѣ мреть безъ причастія, какъ есть скоть гибнеть; а не убойся ты отнюдь ничего“. Это мнимое видѣніе, вмѣстѣ съ другими разказами Іустины изложенное на бумагѣ и тамъ же въ Сарской пустыни скрѣпленное тремя іерейскими подписями, пользовалось тогда у раскольниковъ извѣстностью и полнымъ довѣріемъ. Подъ именемъ „Сказанія отъ части чудесъ преподобнаго Игнатія“ оно, около 1669 года, было внесено инокомъ Аврааміемъ въ его извѣстный „Христіаноопасный щитъ вѣры“. (Мат. для ист. раск. VI, стр. 35—40). Въ августѣ 1665 года видимъ уже что извѣстный старецъ Григорій Нероновъ, бывший московскій протопопъ Іоаннъ, даетъ допросныя о разказахъ Іустины показанія митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу (Мат. для ист. раск. I, стр. 204—205). Не удивительно, если власть, обративъ вниманіе на разказы Іустины, не оставила на свободѣ и саму эту бродячую крестьянку, въ виду того, что руководители церковнаго раздора столь легко ее эксплуатировали въ своихъ интересахъ. Въ упомянутомъ „Щитѣ“ инока Авраамія, сохранившемъ „подлинникъ“ видѣнія Іустины, есть извѣстіе, что вологодская крестьянка дѣйствительно подала царю „челобитную“, какъ, будто бы, повелѣлъ ей преподобный Игнатій, и что за это она находилась тогда подъ стражей. „Государь благочестивый, тому уже другое лѣто, какъ вамъ отдалъ на соборъ ея (т. е. Іустины) челобитную, — упрекалъ Авраамій духовныхъ властей,—и до сего времени ни отказу, ни приказу. Христову же рабу, саму третью, за приставомъ морите голодною смертію и мразомъ“ (Мат. для ист. раск. VII, стр. 218—219). „За пристава“ вѣроятно попали и два малолѣтніе сына Іустины, которыхъ она водила съ собою (—VII, стр. 39). По всѣмъ такимъ признакамъ: не эта ли Іустина соизначала въ Боровскѣ Морозовой, Урусовой и Даниловой? И не Исаакій ли, мужъ Іустины вологодской, былъ тѣмъ „старцемъ“, о которомъ „Житіе“ Морозовой говорить, какъ о мужѣ Іустины боровской? Исаакій вполнѣ вѣрилъ разказамъ своей жены...

⁷⁾ Случаи эти перечислены въ „Виноградъ Россійскомъ“ и имѣли мѣсто въ предѣлахъ поморскихъ, новгородскихъ и вязниковскихъ. См. болѣе полный списокъ „Винограда“—въ Публичной Библиотекѣ изъ собранія Погодина № 1279.

расколу долю поддержки. Повидимому Хилкова искусно умѣла служить расколу тайно, не объявляясь предъ взорами властей. Въ Москвѣ она имѣла свою домовую церковь и держала при ней поповъ. По показанію попа Прокопія, онъ служилъ у Хилковой вплоть до того времени, когда расколъ княгини былъ открытъ. Но и «объявившись» въ содержаніи раскола, Хилкова постаралась «утечь» изъ рукъ властей. Она была послана подъ надзоръ въ Воскресенскій Горницкій женскій монастырь, что въ Новгородской епархіи, и оттуда бѣжала. Пока производились розыски и горницкія старицы за слабый надзоръ сидѣли подъ карауломъ, бѣглянка благополучно достигла знаменитаго Пошехонья и нашла себѣ здѣсь покойный пріютъ ⁸⁾).

Въ 1679 году въ донесеніи царю Осодору Алексѣевичу изъ Тюменской приказной избы были засвидѣтельствованы слѣдующіе два случая.

28 октября 1677 года, во время совершенія литургіи въ соборной церкви города Тюмени, въ церковь вошли неизвѣстные пришлые люди, — «три человекъ и четвертая *старуца*» — и на херувимской пѣсни, во время великаго выхода, учинили расколъ. «Православные христіане, — кричали они, — не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло, и на просфорахъ печатаютъ крыжемъ, антихристовою печатью». На допросѣ въ приказной избѣ оказалось, что это вологжанинъ Аоошка Антоновъ, тотмянинъ Демка Степановъ, мезенецъ Перша Григорьевъ и *тотмянка старица Варвара* и что пришли всѣ четверо на Тюмень «*истинныя вѣры изыскивать*», т. е. съ пропагандою раскола. Въ тотъ же день дѣлу данъ былъ ходъ по тогдашнимъ законамъ.

Другое извѣстіе сообщало о самосожженіи раскольниковъ по наученію тюменскаго попа Дометіана, въ вночествѣ Даніила, случившемся въ ночь на 6 января 1679 года въ Тобольскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Березовкѣ. Описывая, какъ Даніилъ построилъ кельи и часовню, какъ служилъ въ пей вечерню и часы, пѣлъ молебны и воду святилъ, какъ постригалъ вновь приходившихъ, документъ добавлялъ, что тутъ, при часовнѣ были *два*

⁸⁾ Доп. къ А. И. XII, стр. 203: показанія служившаго у Хилковой попа Прокопія. — «Новые матеріалы для исторіи старообрядства» *Е. Барсова*, стр. 155: память 1685 года по дѣлу объ утекѣ Хилковой изъ Горницкаго монастыря. — «Отрагительное писаніе» впока Евфросина, Спб. 1895, стр. 22. 37 — 38: Хилкова въ Пошехоньѣ и Романовѣ. Ср. «Внутренніе вопросы въ расколѣ XVII вѣка», стр. IXXVII.

черницы и двѣ стѣвки, которыя «бѣсновались предъ иконами» и «бились о землю». «И говорили онѣ, въ то время, какъ бились, Пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригались». При такой обстановкѣ пропаганда имѣла чрезвычайный успѣхъ. «Многіе изъ Тарска, изъ Тюмени и изъ иныхъ городовъ и уѣздовъ, всякихъ чиновъ люди, оставя дома съ животы свои и скоть, бѣжали» въ Данилову пустынь «съ женами и дѣтьми и многіе постригались» здѣсь, пока не набралось 1700 чело-вѣкъ, которые всѣ и сгорѣли въ разъ ⁹⁾).

Отъ 1693 года сохранилось донесеніе подлежащихъ властей царямъ Иоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу—о поморскихъ раскольникахъ. Фактъ былъ въ Пудожскомъ погостѣ и состоялъ въ слѣдующемъ. 21 іюля 1693 года туда пришли многіе незнаемые люди, съ ружьями. На колокольнѣ ударили въ набатъ. Когда собрался народъ, пришельцы вломилась въ церковь и принялись обмывать иконы и пелены. Съ водой появились также въ куполѣ и лили ее на крестъ. Черезъ день былъ крестный ходъ вокругъ церкви. Это были раскольники, пришедшіе въ Пудожскій погостъ съ цѣлью «пересвятить» церковь. Заводчиками дѣла были чернецъ Тимошка изъ Рогозерской пустыни и дьячекъ Васька Заяцъ, попа съ ними не было. 1 августа, взявъ иконы и кресты, раскольники ходили на рѣку и тамъ «святили воду», потомъ ежедневно «строємъ съ ружьями» являлись въ церковь и «пѣли» здѣсь вечерни, утрени, молебны, отправляли и всѣ другія церковныя потребности, какія открывались у окрестныхъ обывателей. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, и это удивительное событіе не прошло безъ вмѣшательства и пособія со стороны женщинъ, оказанное также не менѣе удивительнымъ способомъ. Оно состояло въ томъ, что пока пришлие раскольники били въ набатъ, да мыли иконы, — «тогожь Пудожскаго погоста *три женки соблазнъ чинили, и были будто внѣ ума, а какъ образумились, говорили, чтобъ въ церквахъ Божиихъ дѣйствовать Васькъ съ советниками, а поповъ отказать*». Когда руководитель дѣла Васька Заяцъ устроилъ, въ сообществѣ съ соловецкимъ инокомъ Іосифомъ, самосожженіе въ деревнѣ Строкиной, близъ Пудожскаго погоста, — «съ ними ворами вмѣстѣ сгорѣли» и

⁹⁾ Док. жъ А. И. VIII, № 50, стр. 215—216.

эти три женки»¹⁰⁾. Какъ здѣсь, такъ и въ предыдущемъ случаѣ — у поиа Дометіана, женщины, очевидно, принимали на себя роль пророчицъ, чтобы доказать правоту раскола путемъ сверхъестественнымъ, т. е. ссылкою на видѣнія и откровенія. и, какъ видно, это ихъ состояніе, было-ли оно дѣйствительно экзальтаціонное, или просто притворное, эти ихъ «пророческія» рѣчи и странныя дѣйствія оказывали сильное вліяніе на душевное настроеніе темной толпы, которая и безъ того уже достаточно была религіозно возбуждена, чтобы подчиниться ему.

Нѣкоторые изъ указанныхъ нами примѣровъ, особенно дѣло боровскихъ заточницъ, въ свое время достаточно показали, что въ примѣненіи къ женщинѣ, какъ защитницѣ раскола, вѣдшняя карательная мѣра столь же мало надежна и чаще—даже совсѣмъ безсильна, какъ и въ примѣненіи къ мужчинѣ, не смотря на естественную женскую «немоць» физическую и духовную. Такая мѣра считалась тогда самою дѣйствительною. конечно, крайне ошибочно. Но не совсѣмъ былъ безопасенъ и другой тогдашній взглядъ, который на практикѣ имѣлъ, по видимому, широкое приложеніе. Это взглядъ—что женщина въ дѣлахъ вѣры отвѣтственна менѣе, чѣмъ мужчина, что она стоитъ здѣсь не на теоретической почвѣ сознательнаго убѣжденія, а лишь на почвѣ простой привычки, и что, поэтому, приличнѣе игнорировать ея упорство, чѣмъ употреблять мѣры настойчиваго искорененія таковаго. Такого взгляда, по сказанію біографа Морозовой, держался, напримѣръ, патріархъ Питиримъ, который въ началѣ рекомендовалъ царю примѣнить его даже къ этой ревнительницѣ раскола. Совѣтуя царю освободить Морозову и Урусову изъ заключенія, возвративъ первой ея домъ, а вторую—ея мужу, Питиримъ, по этому, не заключающему въ себѣ ничего невѣроятнаго, сказанію, считалъ такую тактику болѣе «приличною» потому, что вѣдь «женское ихъ дѣло: много ли оны смыслятъ». И Алексѣй Михайловичъ, по тому же сказанію, принципиально не возражалъ противъ такого взгляда, и не согласился примѣнить его лишь собственно къ боярынь Морозовой въ виду ея особенной «лютости» и причиненныхъ ею оскорбленій самому царю¹¹⁾. Такое мнѣніе могли раздѣлять тогда и вообще многіе представители власти, потому

¹⁰⁾ А. И. V, № 223, стр. 386—389, 392. См. „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“, стр. CV и прим. 186.

¹¹⁾ Мат. для ист. раск. VIII, стр. 176—177.

что оно согласовалось съ современною оцѣнкою женщины, какъ малолѣтка по сравненію съ мужчиною, недоросля, вообще величины меньшей. Но такое мнѣніе, если судить по существу, имѣло для себя оправданіе лишь съ той стороны, что женщина поскольку живетъ разсудочною жизнью менѣ всего, менѣ всего способна къ созданію религіозной доктрины, а также констатировало современный фактъ, что, по условіямъ положенія тогдашней женщины, ея наличная сумма знаній по вопросамъ вѣры несравненно ограничениѣе, чѣмъ сумма знаній мужчины. Другая сторона дѣла, т. е. практическое примѣненіе женщиною вопросовъ вѣры къ жизни этимъ мнѣніемъ оцѣнивалась не достаточно, если не прямо совсѣмъ упускалась изъ виду. А между тѣмъ здѣсь-то именно и была сильна женщина, здѣсь она оказывалась энергичнѣе мужчины, потому что руководилась прежде всего сердцемъ, жила религіознымъ чувствомъ,—которое никогда не сокрушимо, всегда живо и дѣйствительно. Этотъ порядокъ вещей хорошо понимать и по достоинству цѣнить опять все тотъ-же пророкъ Аввакумъ. И онъ соглашался, что вообще «у бабы волоса долги, а умъ коротокъ»; но онъ ни на минуту не сомнѣвался и въ томъ, что эти, имѣющія «короткій умъ», способны «мучиться за Христа хорошенько, не оглядываясь назадъ»¹²⁾. Признавалъ, въ частности, Аввакумъ и то, что «женскій» современный «быть» въ богословскихъ познаніяхъ стоитъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, что въ женской его времени средѣ плохія могутъ быть пренія о «догматствѣ». Однако, констатируя это, Аввакумъ тутъ же давалъ и такое наставленіе: «женскій быть одно говори: такъ въ старопечатныхъ книгахъ напечатано, такъ я держу и вѣрую, съ тѣмъ и умираю»¹³⁾. Значить, ограниченность познаній въ вопросахъ вѣры, по мнѣнію Аввакума, ничуть не подрывала въ женщинѣ того времени твердости въ защитѣ содержимой «вѣры», потому что женщина имѣла возможность узнавать послѣднюю по внѣшнимъ признакамъ. Такъ на дѣлѣ тогда дѣйствительно и было, и мы это уже видѣли. Не споримъ, разсматриваемый взглядъ отчасти былъ и правъ и послѣ въ себѣ долю цѣлесообразности. Но это можно сказать о немъ никакъ не безотносительно, а лишь по сравненію съ тою внѣшнею мѣрою, которая въ своемъ примѣненіи тогда достигла послѣд-

¹²⁾ Мат. для ист. раск. V, стр. 194.

¹³⁾ Мат. для ист. раск. V, стр. 176.

ней крайности и о которой уже была рѣчь выше. Отвергая эту послѣднюю, разсматриваемый взгляд непременно долженъ быть предпологать мѣру и другую, которая, будучи вообще дѣйствительна по отношенію къ расколу, какъ явленію религиозному, въ то же время могла бы рассчитывать на успѣхъ собственно въ приложеніи къ женской половинѣ раскола. Но такой постановки дѣла тогда не было. Въ памятникахъ того времени мы совсѣмъ не встрѣчаемся даже съ простыми намеками въ этомъ родѣ. Самые первые и самые главные акты: «Наставленіе благочинія церковнаго», изданное соборомъ 1666 года въ цѣляхъ противодѣйствія расколу, и «Изреченіе» собора слѣдующаго 1667 года, произнесшее окончательное осужденіе его послѣдователей,—не содержать въ себѣ ничего болѣе кромѣ призыва «покоряться святой восточной церкви», обращеннаго вообще ко всѣмъ «православнымъ христіанамъ всякаго чина», какъ мужского пола, такъ и женскаго, и кромѣ наказа священникамъ, чтобы каждый изъ нихъ въ своемъ приходѣ получалъ тому «вся своя дѣти духовныя, мужи и жены» ¹⁴⁾. Все частнѣйшее здѣсь ограничивалось только тѣмъ однимъ, чтобы архимандриты, игумены, протопопы и старосты поповскіе «до-сматривали у всѣхъ *просфорницъ*», гдѣ кому приказано, чтобы просфоры печатали печатію креста четвероконечнаго» ¹⁵⁾. Примѣчательна, однако, эта единичная частность, что среди заботъ объ искорененіи раскола путемъ обновленія церковно-приходской обстановки, по мнѣнію собора, единственнымъ, соборъ сразу встрѣчается съ такою особенностію послѣдней, въ которой фигурируетъ женщина, и отмѣчаетъ эту особенность, не смотря на всю видимую ея малозначимость. Очевидно, въ жизни тогдашняго православнаго прихода, насколько она нуждалась въ усвоеніи новыхъ церковныхъ порядковъ, мѣстная просфорница представляла своего рода *единицу*, по подобію того, какъ единицу же представлялъ и каждый приходскій священникъ. Уже самое ближайшее время показало, что соборъ вспомнилъ о просфорницахъ вполне предусмотрительно ¹⁶⁾ *).

П. Смирновъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

¹⁴⁾ Дѣянія, по изд. 1881 г., л. 38 (въ „Наставленіи“) и 5 (въ „Изреченіи“).

¹⁵⁾ Тамъ же, л. 38 обор.

¹⁶⁾ Грамота Новгородскаго митрополита Патирима отъ 18 марта 1668 г. Тихвинскаго монастыря архимандриту Юнѣ, привлекая [къ отвѣтствен-

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки